

Старика Чэня избивали всю ночь?!

Услышав это, Ван Сюань не почувствовал жалости. По какой-то причине его переполняло желание расхохотаться. Но чтобы не провоцировать старика Чэня, он сдержался, притворившись, что массирует виски и трет лицо. Он боялся, что старик Чэнь отомстит ему, если увидит его смех.

Отвлекаясь на это, Ван Сюань смог сдержать смех, прежде чем сделать серьезное лицо и взглянуть на старика Чэня. Выбора не было, старик Чэнь был в крайне возбужденном состоянии, он должен был выглядеть серьезным.

"Старик Чэнь, - начал Ван Сюань, - ты должен понять, что мир сбалансирован. Когда ты что-то получаешь, ты тоже чем-то жертвуешь взамен. Овладеть боевым искусством, превосходящим Ваджра Файст, - непросто". Чтобы подчеркнуть свою мысль, Ван Сюань тяжело вздохнул в конце.

Как человека умного и сильного, Старого Чена было нелегко провести. Он усмехнулся: «А как насчет тебя? Почему я один избитый?»

Ван Сюань недоумевал. Почему тот же метод, который сработал для него, обернулся против Старого Чена, позволив старому монаху надрать ему задницу?

На самом деле, Ван Сюань хотел предположить, что дело может быть в разнице их характеров, намекая, что характер Старого Чена, возможно, вызывает сомнения. Но он не осмелился заговорить об этом и вместо этого настаивал: «Я тоже заплатил цену!»

Старому Чену было бы лучше не слышать этого. Когда он услышал, то разозлился еще больше. Его голос стал ледяным, когда он возразил: «Чем ты пожертвовал? Ради тебя, от ученицы до монаха-призрака, похоже, всегда за всё расплачиваюсь только я!»

Старый Чен был полон негодования. Чем больше он думал об этом, тем яснее становилось — каждый раз ему доставалось по полной. Ожидаемая выгода ускользала от него, а вместо этого ему, казалось, доставалась несправедливая доля испытаний.

"Ну, старый Чэнь," упрекнул Ван Сюань. "Не нужно так сильно давить". Естественно, он не собирался никого винить. Он должен был изобразить свои собственные переживания в ещё более тёмных тонах, чтобы сохранить баланс жалости в свою пользу. Перечислив старому Чэню длинный список своих якобы наполненных скорбью эпизодов, Ван Сюань добавил: "И если следовать твоей логике, старый Чэнь, то ты тоже втянул Цин Му в это".

Выражение лица старого Чэня изменилось на обиженное. "Ты хочешь сказать, что ты бросил нас обоих под автобус?"

Ван Сюань искренне удивился, почему именно на старого Чэня обрушился гнев старого монаха. Может, это какая-то кармическая передача? Возможно, монах мстил старому Чэню.

"Слушай, старый Чэнь", начал Ван Сюань серьёзно. "Я могу поклясться, что я всего лишь слегка шлёпнул его, и всё встало на свои места! Но не будем делать поспешных выводов. Расскажи мне свою версию событий, и мы вместе найдём решение".

Глаза Старика Чена сверкнули опасным блеском. – Ты что, просто пытаешься выудить сочные

подробности моих злоключений?

Несмотря на то, что любопытство Ван Сюаня разгоралось, он предпочёл безопасность удовлетворению. Он быстро сменил тему обсуждения:

– Кстати, ты не в курсе, к какой буддийской традиции принадлежит храм Пуфа?

– Э? – Старик Чен моргнул, на мгновение застигнутый врасплох. Потом до него дошло, и он стал серьёзным, почувствовав суть их загадки.

Ван Сюань мимоходом намеревался углубиться в древние корни тысячелетнего храма, чтобы найти больше улик. Но как только слова слетели с его губ, перед глазами вспыхнула лампочка.

– Дзэн! – объявили они в унисон.

«Старый Ван, — продолжалось в письме, — у «Нового месяца» есть сокровища. Там проводят эксперименты по мутации и выращивают в больших масштабах несколько редких и ценных растений. Каждый день определённому количеству растений дают умереть. Я испытываю по этому поводу одновременно и боль, и радость. Ввиду своих ограничений, я не могу справиться с мощным действием того, что они называют «Эликсиром тигра и волка». Употребление одного эликсира каждые полмесяца уже доводит моё тело до предела».

Сердце Ван Сюаня бешено заколотилось. Что это за Эликсир тигра и волка? Звучит очень мощно!

«У «Нового месяца» даже есть собственный дворец Гуанхан. Я чуть не сошёл с ума, когда прибыл туда. Его называют самым роскошным курортом в глубоком космосе. Стоит посетить. Но с моим ограниченным доходом, я могу только издалека смотреть на него с тоской», — завершалось письмо.

Письмо Цинь Чэна было наполнено не только ключевыми подробностями, но и углублялось в некоторые особенности.

При новой Луне происходит нечто странное. Здесь есть древний храм с двухтысячелетней историей, который якобы перенесен из Старого Света. Кроме того, здесь была реконструирована одна из родовых обителей даосизма. Говорят, что каждый кирпич и черепицу перевозили с настоящего места. У меня такое чувство, что за этим скрывается какая-то тайна.

Прочитав это, Ван Сюань заинтересовался и сбился с толку.

Последующие письма были от Су Чаня и Чжоу Куня, в которых Ван Сюаню сообщалось о внезапной смерти двух его одноклассников. Они писали с нотками печали, но не вдавались в подробности причин смерти. Однако Ван Сюань мог догадаться, что за привлекательностью Новой Луны скрывается жестокая цена. Он вздохнул. Не прошло и месяца, как двое его сверстников трагически погибли. Новости были неожиданными и тревожными. Ван Сюань вспомнил последнюю ночь, когда они все собрались вместе, празднуя предстоящее путешествие на Новую Луну. Все были полны надежд, амбиций и юношеского задора. Как так быстро их настигло такое несчастье? Это было душераздирающе.

Когда Ван Сюань готовился к собственной поездке, он напомнил себе быть осторожным и

бдительным.

Он также получил личное письмо от Чжао Цинхана с подтверждением смерти одноклассников. Вновь Чжао поднял тему сотрудничества.

Два дня спустя вернулся Цин Му, заявив, что дела в подземелье Большого Хингана завершены, хотя подробностей он не раскрыл. Вместо этого он сосредоточился на ситуации Ван Сюаня. С торжественным выражением лица он сказал: "Произошло неожиданное событие. Кто-то хочет удержать тебя в Старом Мире и помешать тебе ступить на Новую Луну или в Новый Мир".

Ван Сюань нахмурился. Некоторые люди были просто невыносимо смелыми. Их руки мешали повсюду. Их попытки преградить ему путь в Новый Мир были впечатляющими.

Когда старый Чэнь узнал о возвращении Цин Му, он наконец-то вышел из уединения, его лицо горело от волнения. "Техники боевых искусств монаха просто блестящие, - сказал он, искорки заплясали у него в глазах. - Я столько приобрел и теперь вижу четкий путь".

Ван Сюань наблюдал за ним с намеком на веселье. Тот же Старый Чэнь, который не так давно проклинал «монаха-призрака», теперь пел дифирамбы «божественному монаху». Он бы не удивился, если бы со временем он стал называть его божеством.

«И думать только, что они пытаются удержать Малого Вана в Старом Мире? Они бредят. У них ничего не выйдет. Во всяком случае, если у меня будет что сказать по этому поводу», — фыркнул Старый Чэнь.

Затем он обратился к Ван Сюаню, в его голосе сквозило любопытство. «На горизонте буря. Тебе всегда было интересно, каковы мои истинные способности, не так ли? Любопытно насчет „новых искусств“? Присоединяйся, и ты увидишь».

Лицо Цин Му при этом побледнело. «Учитель, на этот раз это слишком рискованно. Дело не в гордости или самолюбии; одна ошибка может быть фатальной».

Старый Чэнь наклонился, его голос был тихим и напряженным: "Уже много лет я не показывал свою истинную силу. С уходом моих старых боевых товарищей они считают, что практикующие Древние Искусства – вымирающий вид, презирая нас. Если так пойдет и дальше, наследие Древнего Искусства рухнет. Более того, этот артефакт снова появился. Я отправляюсь в это путешествие".

Наконец, посмотрев в глаза Ван Сюаню, он прошептал: "Присоединяйся ко мне и стань свидетелем моей истинной силы".

<http://tl.rulate.ru/book/105046/3694157>